

ОКНО
на
Восток

Фарида Габдрапова

НОМИНАЦИЯ
ПОЭЗИЯ

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова

Охне
на
Вестьях
Фарида Габдраупова

Барнаул 2018

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Г – 121

12+

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Габдраупова, Ф. А.

Г – 121 Окно на Восток: стихи / Ф. А. Габдраупова; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Барнаул; Кемерово: Техно-принт, 2018. – 112 с. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

ISBN 978-5-85905-522-7

Фарида Габдраупова известна в Барнауле и далеко за его пределами. Она автор четырех поэтических сборников и одной книги прозы. Все ее произведения яркие и неоднозначны.

В представленное издание вошли стихи разных лет. Они наполнены эмоциями, яркими образами, восточным темпераментом и необыкновенной искренностью.

Поэтический сборник «Окно на Восток» адресован широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-85905-522-7

© Ф. А. Габдраупова, 2018

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2018

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мои окна выходят на Восток. В окошке на кухне у меня Луна, огромная, золотистая, тихая. Серые полосы туч проходят сквозь нее... Вот так всегда и было: с детства питаюсь сладковатым жидким светом ночи. Пока мечтаю – живу! Душа – тоже отраженный божественный свет. Ночью – распускается...

Раньше Восток мне казался бездонным холодным пространством, там, за рекой... Потому что к Востоку от меня течет Обь. Если лететь или ехать, на пути мало городов – лес да лес, реки и пустошь – холодно. А впереди – Тихий Океан, запределье, глыба неведомая.

Открыла окно и не могу оторваться от высокого света в тучной серой тьме. Слышу, как легонько пошуршивают листья на дереве. Смотрю в пропасть ночи... Где-то там – ты!..

Лунный столп

Ты думаешь, яблоня белым жива?
Наивный, невежа, незрячий.
Сияет безумная голова
Избытком любви горячая.

Легко ль осыпается белым любовь?
Легко ли за грань шагнуть?
Смотри, ударяюсь сияющим лбом
В сестрицу свою – Луну!

Весна! И на все мотануть головой –
На числа, судьбу и работу,
И даже на то, к чему давно
Артериями примотан.

Смоги! У тебя несерьезный взгляд,
Не бойся того, что можешь.
Вдохни баламутящий белый смрад
Уставшей от холода кожей.

Я – нет. Я – весна. Я скоро умру.
Не быть голове моей белою.
И потому, потому, потому -
Люблю – это все, что я делаю!

Н.Г.

Когда ты идёшь,
Покачиваясь от своей высоты,
Бесконечный и светлый,
Как лунный столп, –
О! Какое это озарение!
Ты идёшь,
Тебе тесно от мрака коридоров,
Пред тобой расступаются стены.
А мне бы –
Надо уйти на край вселенной,
Чтобы продлить счастье, –
Бежать тебе навстречу...

– Здравствуйте! – говорю я
И прохожу мимо.

ДИМИТРОВА, 66

На филфаке, в Барнауле –
Юность, небо золотое.
Ты сейчас войдёшь, сутулясь,
Свет неся над головою.

В суете аудиторий
Между нами восемь метров.
За окном – осенний город,
Стёкла дребезжат от ветра.

Сумки, шапки и тетрадки,
Ах, какие тут девицы!
То ль богини, то ль пиратки,
То ли львицы, то ли птицы.

Я присела в уголке,
Я внимаю, не моргая.
Ты – святой и непорочный –
Филология святая.

ОСЕНЬ

Прощай, поколение листьев,
Измученное дожелта!
Как ветер, легки мои мысли,
Немыслимо жизнь проста.

Не жаль... Да кому ещё дело
До бедной моей головы?
Кружится, кружится осенний демон.
Он ранен, поэтому листья в крови.

На юбке моей широкой —
Цветы, небосвод и солнце.
Стою я на пыльной дороге
Рябиной под майским ветром,
Скульптурой на постаменте,
Уранией-Афродитой
С глазами больной собаки.

Ты женишься на другой,
Но вечером снова выйдешь
Гулять под луной со мной.
И снова себя не выдашь,
И снова ты мне не скажешь,
Как долго меня ты любишь.

Моё платье в горох, я гороховый шут.
Я внимания, как подаянья, прошу.
Я всегда весела, я – одна, я – струна,
Никому не нужна.

Я в прищуринах глаз жгу бенгальский огонь.
Вы пугались напрасно – я глупая мощь.
Подойдите поближе, подставьте ладонь:
Я и есть только этот сгорающий дождь.

Мы сидели за столиком и говорили о Фрейде.
Он ломал шоколад и пива мне подливал.
Я сказала: «Послушайте! Лучше меня убейте,
Только не обрывайте сверкающий мой карнавал».
Он ответил задумчиво: «Я слишком верю в Иисуса,
Ничего не получится, детка, у нас с тобой.
Я чуждаюсь всего, что красиво, легко и вкусно,
Чёрным хлебом питаюсь и запиваю водой».
Я смотрела и плакала: боже, какая нелепость!
Он же язву желудка скоро себе наест.

...Значит, хлебом – всю жизнь неизменным хлебом,
Ни на час не снимая с сутулых лопаток крест.

ЭПИСТОЛА

Мой господин! Меня Вы оскорбили –
Вы дали слушать Ёлкиной Елене
Диск с записями интересных песен,
Исполненных иль даже сочинённых,
Как поняла я, Вашим сыном Васей.
Когда б Вы знали, как люблю я песни!
Как тонко ощущаю я смешенье
Мелодии и голоса, и чувства,
И инструмента — например, гитары —
Вы б пожалели, бедную, меня!
Без разницы – какое носит имя
Певец и есть ли у него лицо,
Когда душа имеет страсти голос,
Когда струится лирики река,
И чувство обретает плотность звука.

А если во внимание принять,
Что мне уж двадцать лет, — как интересно
Всё, что вы делаете
(В том числе и дети!),
Тогда за что же се пренебреженье!
Уже ль моей воспитаннице дерзкой
Вы больше доверяете, чем мне?
И как, скажите, под каким предлогом
Я выманить у ней могла кассету,
Не выдав затаённой к Вам любви?
Короче говоря, неуваженье
Вы проявляете к моей особе.
Я не в упрёк, а просто поясняю,
Чтоб Вы с другими так не поступали,
Которые особее меня.

Если б знать, где ты ходишь большими ногами,
 Оставляя следы белых ботинок,
 Я дрожала б, как двоечник, сдающий экзамен,
 Я бы спряталась в куст, в листву, в паутину.

Я сидела б на корточках, как заправский воришка,
 Я бы слёзы фуражечкой вытирала,
 Воровала б твоё отражение с риском,
 Что опять мне окажется этого мало.

(Я увиделась с ним, он прочёл мне нотации:
 «Вы смутили меня своей экзальтацией.
 У вас что-то не так по части морали,
 Вы меня аморальностью замарали».)

МАСКАРАД

Как знакомо всё и как старинно,
 Каждый миг наш кем-то повторим.
 Потихоньку плачет Арлекино,
 Кулаком размазывая грим.

Это вечно, это уже было,
 Это будет вечным и потом.
 Грустный Арлекин глядит уныло,
 Улыбаясь ярко-красным ртом.

Мы живём в жестоком маскараде,
 Нам приятен шорох мишуры.
 Даже если кто-то плачет рядом,
 Это тоже в правилах игры.

ЛИШНЯЯ

Ослепнуть, оглохнуть, сжаться,
Вслепую бежать с полверсты.
Всего-то и дел, что сорваться
С какой-нибудь высоты.

Я – лишняя, я чужая
Глаза лишь мозолю я.
И всюду меня ругают,
И всюду меня бранят.

Но я не могу по-другому.
Мне трудно среди людей.
Набейте меня соломой,
Поставьте меня в музей!

Ах, эти умные, талантливые святоши!
Они носят очки на красивом носе.
Они избегают земной ноши.

Они любят собак и воображаемых женщин.
Их путь одиночек и мнимо безгрешен.

Но когда всходит луна
И смотрит сквозь занавеску,
Сняв очки, они тоскливо скулят
По отверженной невесте
Вместе со своей собакой.

...И был в моём театре Чёрный Клоун.
Он был монахом, принцем и паяцем.
Я по наивности своей не знала, кто он
И что его мне следует бояться.

Лицо скрывая в чёрном капюшоне,
Он золотыми ниточками к небу
Привязывал свои большие буквы.
(Никто-никто его лица не видел!)

Он клоунов испытывал на храбрость.
Рукою к солнцу, к счастью и – вперёд!
Кто первым к небу лесенку подставит,
Кто эту буковку ловчей достанет,
И кто куда больнее упадёт.

А мне ужасно не хотелось падать.
И я его отважно привела
Туда, где эта буковка висела,
Рукою дерзкой капюшон сняла,
Лицо открылось – я на землю села...

Он хохотал, и небо сотрясалось,
А буковка сама собой упала.
Хрустальное рассыпалось на крошки,
И разбежались слов сороконожки.

Из добрых чувств вернула капюшон,
Чтобы смеющийся не стал смешон.

МЕСТО МОЕЙ СМЕРТИ

И никому я не могу поведать тайну,
Что есть на свете место моей смерти.
Не время, как у всех, а только место,
Клочок земли, удобренный слезами.

Под ним обрыв – конец и бесконечность!
(Я упаду на эту землю грудью,
Я здесь навеки захочу остаться,
Мне ни вперёд и ни назад нельзя идти,

Хочу, чтоб здесь заканчивалось время –
Я в нём не чувствую уже потребность,
Я только здесь испытываю счастье...)
И это место – под окном твоим!

В моих глазах зашурено желанье
Тебя и смерти, да – тебя и неба!
Я каждый день заигрываю с бездной,
Когда стою, застывши, под балконом.

Не провалиться сквозь тугую землю,
Не обратиться каменной бабой,
Не разбежаться мне слезливой речкой,
А надо просто как-то дальше жить.

(И хорошо, что есть бумага под рукою,
И есть в кармане верное перо,
Чтобы не сделать что-нибудь такое,
Что смехотворно, жутко и старо.)

Бестелесная и отважная,
Я останусь на фотографиях,
Я пролезу в замочную скважину,
Безупречной твоей биографии.
Я застряну в расщелинах памяти
Неотмытою чашкой с помадою,
Ветром майским, весеннею паникой,
Белым камнем античной статуи.
Нет ни рук у меня, ни кожи.
Я застыну в свободе пыла,
И разрушить никто не сможет
То, чем я тебя так любила.

Ледяной океан, в нём застыли хрустальные рыбки.
Их глаза не глядят, зажаты упругим льдом.
Здесь недавно ты жил, я зашла сюда по ошибке,
В ледяную пустыню, в тобой оставленный дом.
...А когда уезжал, телефон мой трещал от рыданий.
Ты меня утешал, словно пулей в мозги насквозь.
Снова в мире ином мне назначил большое Свиданье,
И остались мы быть в этом маленьком мире врозь.

Бабочка

Луна наполнилась, повисла на дороге,
Как нить судьбы, как сказочный клубок
Из рук волшебницы горбатой!
Моей печали сладостный глоток,
Моих небес сияющий цветок,
Размах пространства и утрата.

И вновь, подвластная ночному сумасбродству,
Смотрю туда, откуда всходит солнце.
Знает родная Луна-сестрица,
Где ей на небе остановиться!..

Я светлая девочка на пуантах,
Атласные ленточки на лодыжках.
Стянули мне талию крупным бантом —
Капроновым, вздрагивающим вприпрыжку...

И вся в колокольчиках чудо-юбка,
И локоны рыжею львиной гривой.
Я буду такую одни лишь сутки,
Тобою придуманной и любимой!

...А я люблю по-другому –
Я наискось, мимо мишени,
Без грозных разрывов грома,
Не бабой, повисшей на шее...
Зачем тебе столько груза? —
Шпоры, хомут и омут!
Иная, тебе не лишняя,
Прибьётся цветочная Муза –
Бабочка в пальцах твоих
Прилипшая...
Медовой пыльцы следы
Останутся в складках рта,
И крыльев моих красота
Коснётся волос седых.
И полная сока твоей печали,
Я уплыву, на ветру качаясь.

Ты спишь, моя радость,
В подушку уткнувши нос.
Тебе посылаю
Я стаю
Смешных стрекоз.
Пускай полетают
И крыльями пошебуршат,
Стрекочут, лопочут,
Касаются и смешат...

В загадочных сферах
Их водянистых глаз
Немыслимо вверх
Увидишь открытый лаз.
Там в мягких берёзах
Округлый есть водоём.
Мы тоже стрекозы –
И солнечно нам вдвоём!

*«Все мои башмаки прохудились одновременно...»
(Н.Николенкова)*

...А цыганка идёт босая,
Но поёт она не об этом.
Башмаки её не прохудились,
Потому что их вовсе нет!

Звёзды глаз в небеса бросая,
Она светится белым светом,
Кудри длинные набок сбились,
Смят фиалок ночных букет.

— С кем ты ночь провела, Бришинда?
И о ком твоя новая песня,
И когда тебе станет стыдно
Красоваться – такой молодой?

Ничего не ответила дева,
Не разбрызгала света тайны.
Просияла улыбкой в небо,
Бесконечное, как душа!

Эй, время,
Поворачивай обратно!
Когда б ты знало, как избранник мой прекрасен,
Ты б точно позавидовало мне.
Твоя бесполоая, бесчувственная сущность,
Твоя привычная работа разрушенья
Вмиг устыдилась бы незрячести своей!

Пока его влюблённые ладони
Всю охватили талию мою
И путаются в многослойных юбках,
Твой меч да обратится в гладиолус...
Эй, время! Повернись, любуйся нами,
Останься в сладком возрасте любви!

Ну, хочешь, я отдам тебе всю старость?
Не так уж много до неё осталось!
Отлей мне золота весеннего огня,
Пока он любит – сбереги меня!

СОНЕТ-АЛЬБА

Когда в твоих объятьях засыпаю,
Между мирами я теряю грани.
Сплю наяву, глаза не закрывая,
Дыханье пью и рай воспринимаю.

В кудрях твоей цветущей бороды,
Как бабочки, сложились мои пальцы.
И так я замираю до звезды,
До утренней, с которой нам расстаться.

В тюльпане рук до света утону.
Не ведаю, как выйду в новый день я.
И этот миг являет глубину —
Бездонное пространство сновиденья.

И двадцать жизней было бы мне мало,
Когда б таких мгновений не бывало!

Словно бабочек стая летает,
Словно медленно сахар растаял,
Словно роза нутро раскрывает —
Так любовь твоя в теле живёт.

И душа моя полуживая,
То заполнившись, то убывая,
Отрешённая и немая —
В море нежности тихо плывёт.

Нам не жить под одной крышей.
 Я с тобою то глубже, то выше.
 Если так мимо жизни вышло,
 Значит, этот мир не про нас.

Золотую нить разматаю,
 До корней её промечтаю.
 Нереальная – вот такая
 У меня получилась жизнь.

Но когда у окошка плачу
 И плачú, и впустую трачу,
 Для меня так спасительно значат
 Облака моих грёз о тебе.

ЛЕТО**1**

Ноги по щиколоть в горячем песке.
 В речке — сиянье на волоске.
 Водные звёзды — цветные жуки.
 Солнце целуется с рябью реки.

2

...Обтекала вода его каменный стан,
 Зацелованный солнцем, облаков выше
 Величаво из волн смуглый шёл великан
 И, как статуя, на берег вышел.

Высоко и таинственно прошагал,
 Житель неба, любовник самой природы,
 Первозданной гармонии идеал,
 В первый раз покинувший воды.

Я не помню его каких-нибудь глаз,
Взор античный красив и бездушен.
Пару длинных прозрачно-зелёных ласт
Он торжественно вынес на сушу.

Римский профиль его издалёка возник
Как упрёк некрасивому люду.
Этот острый, прекрасно-пронзительный миг
Я уже никогда не забуду.

3

Его завидя в окруженье женщин,
Ведущих с ним любезный разговор,
Я в панике, что вероломный вор
Пытается украсть моё богатство,
Мою феерию, мою живую тайну,
Высокую награду за страданья,
Добытую в бою с уродством жизни.
Хочу я крикнуть: «Прочь! Не приближайтесь!»
И чувствую, как огненные стрелы
Растут, прицеливаясь, из моей души,
Как жажду я всё в мире сокрушить,

Оставив лишь его и наше море,
И наши звёзды, и, красивую, себя!

4

Ветер воздухом расчёсывал
Волосы у великана,
Мягко проверяя листьев
Беззаботную упругость.

В уши мне ссыпались звуки –
Лёгкой арфы переливы.

Жизнь казалась бесконечной,
Ветреной, большой, игривой,
Летней-летней и счастливой.

5

Лето бредит и кричит
В кольцах глаз твоих красивых.
Камни жгуче-горячи,
Мы к реке идём босыми.

Вечер прячется в воде.
 Время круг опишет скоро.
 У тумана в бороде
 Можно скрыться от позора.

Распушится весь камыш.
 Было вкусно – станет грустно.
 Лето кончится, и мы
 Упадём в сухое русло.

6

Сонно летает
 Любовь-стрекоза.
 Руки сплетает –
 Я – за!
 Озеро неба –
 Души-глаза.

(Надо успеть
 На дорогу в душ.
 Пальцы в песке,
 И размазалась тушь.

Надо разрушить
 Созвучие душ.
 Время в траве –
 Изворотливый уж.)

Встали на пирсе,
 Считаем минуты.
 Держим за крылья
 Душевную смуту.
 Боже! Как хочется
 Умереть
 Вместе с тобою
 В этой воде,
 Больше нигде –
 Не быть!

Сядем, любимый,
 В убитую лодку.
 Воздух стрекозий
 Из вымыслов соткан.
 Выплывем – снова
 Впадём в паутину,
 В хаос, в трясину,
 В жизни холстину.

Если утонем —
Оставим рассказ,
Драму о счастье,
Легенду про нас.

Сладкою сказкой
Манит вода.
Если любовь,
То – да!
Но понапрасну –
Объятья и слёзы,
Скоро погибнут
Наши стрекозы.

В перерывах меж главным и главным
Я была для него забавной.

Мной, весёлою Музой с лирой,
Он латал душевные дыры.

Слишком яркими были заплатки –
Золотисто-парчовые, гладкие,

Нежно-бархатные, облицованные,
Словно губы мои пунцовые.

Белой замши куски приятные,
Поцелуи цветными пятнами.

Как могла – угождала и льстила.
...А вот слёз моих — не простил он!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Молодость. Осень. День – среда,
У него в квартире кончилась вода.
И я несла ему эту воду,
Гордая, словно несущая свободу.

(Он жил по соседству,
Говорил, что я ни на кого не похожа.
Он был на три года меня моложе,
Он не знал, что у меня есть ещё и сердце,
Но я любила его.)

Я рассказывала ему о Лоэнгрине,
Бессмертную историю аббата Прево
И что Бог создал людей из глины,
Но, кажется, он не понимал ничего.

Мы включали музыку, наполняя мелодией зал,
Мы танцевали под блюз Гарри Мура.
(У меня тогда была хорошая фигура,
И, мне кажется, это он знал.)

Я уходила под утро, рано.
Я собиралась бесшумно и быстро.
Я знала, что мы никогда не поженимся.
Я уносила с собою блаженство,
Сердечную рану
И пустую канистру.

БАБОЧКА

Поманите, бабочка, крылом –
Бархатом тончайших перепонок.
Древо жизни снова зацвело,
Снова чувство лезет из пелёнок.

На крыле – зелёные глаза,
Изумительный узор природы.
Тем, кто день живёт, не рассказать,
Что такое прожитые годы.

Замирает сердце холодком,
Трепыхается, как бабочка крылом.
Одари меня высоким сном,
Даже если улетишь потом!

Зажми моё дыхание в кулак,
Держи моё дыхание в руке.
В тебе нуждаясь, доверяю так
Способность жить, сокрытую в цветке.

Впервые я не презираю плоть,
Всё потому, что я в неё не верю.
Я, словно душу, открываю рот,
Хочу вдохнуть, вдыхаю и немею...

Я задыхаюсь! Сорванный букет –
Я не умею без тебя никак.
Держи моё дыхание в руке,
Зажми моё дыхание в кулак!

ДА!

А впереди был ноябрь горький,
Голые ветки, больное горло,
Да! И день твоего рожденья
В хмуром обмороке октября!
С нами ободранный осенью город,
Ветер, трамвай, телефонный сговор,
Да! И любовь слепым наваждением,
Где я опять увижу тебя?

Выпадет снег, первейший и чистый,
Станут большим ожиданием числа,
Да! Понедельники и воскресенья —
Свежие лица и синий снег!
Жить, чтоб любить иль любви учиться...
Да! Для свиданий нужны причины,
Только несу, как цветок весенний,
«Да!», протянутое ко мне.

Шаман

Раздвинув руками стороны света,
Весь в красоте и ослеп, и оглох,
Ты над клубящим обрывом планеты
Стоишь — Человек и Бог!

Хочешь проникнуть в большие пределы,
Не нарушая глади зеркал.
Небо в тебя самого загляделось,
Зная, как ты и велик, и мал!

БОЮСЬ, НО ЛЕТАЮ...

Вороном, волшебником, шаманом
В ворохе весеннего тумана,
Вором осторожным, волком серым —
Ваши взгляды в сердце мне осели.

Оседлали, словно кобылицу,
И теперь мне только ваши лица —
Радость, равновесие и нега,
Забирающая на седьмое небо.

...А линия губ такая,
Что боюсь, стыжусь, но летаю...

Сердце скрутилось в тонкие провода
на тысячи километров.
Словно ночная звезда
свет свой несёт с попутным ветром.
И вот идёт на восток
(сколько же там его, этого сердца!)
мой электрический ток,
чтоб и самой от него согреться.

Чтобы ожить и воскреснуть,
чтоб пролететь разноцветной песней!

Ты сияешь во мне скрытым перлом,
И щекочешь мне тонкие нервы
Кокетливой и короткой
Своей бородкой.

Я держу в зубах это слово, завязываю на узел язык,
От себя самой его прячу,
Я знаю его смысловые высоты и неизбежные его низы,
И что оно для меня значит.

В скрученном серпантине звука «Ю» собрана стая туч, —
Закрываю её, как беса я!
Только скажи, только сорви молчания золотой обруч —
Расколется скорлупа небесная!

Рыжей тигрицей с лоснящимися полосами земли
Я побегу в неизведанные километры.
Четыре лапы мои не знают, в какой ты сейчас дали —
Их разорвали льды и ветви.

Станет душою туша, пущенная на сердечный стук,
И упадёт, ненужная, замятво.
...Вот почему ты для меня странный, желанный друг,
А я — в светлом уме и в твёрдой памяти.

Только глаза мои — тигры в пожаре,
Когда тебя вижу, мой уважаемый, уважаемый, уважаемый...

— Люблю!

Я плачу пламенем, плыву по облакам,
Снега и льды я разливаю в нивы.
Рекой бурлящей по моим рукам
Ты пробежал, свободный и красивый!

И стало солнце – соками тоски,
Пустого русла, засухой рыданий.
Тебя не взять, не сохранить, не унести,
Как свет закатный и чужие дали...

ПЕСНЯ

Я был в садах Семирамиды,
Счастливый узник Вавилона,
Среди кустов цветущих видел —
В шелка разубранное лоно,
Украшено тончайшим пухом,
Развернутыми лепестками.
Я слухом, зрением и нюхом
Внимал, как небеса сверкали,
Когда она меня любила
С немыслимым великолепьем,
С весенним выхлестом и пылом!
И я боялся, что ослепну
От красоты её высокой,
Когда она метала стрелы —
Когда она горячим оком
Сквозь волосы свои смотрела...

ШАМАН

У меня за окном такой буран,
Словно на скалы летит океан,
Словно разбился на сотни частиц —
Белых, лохматых и острых птиц.
Словно твоя запоздалая страсть
Бьётся о стёкла, стараясь упасть.
Словно с ума сошедший шаман,
Вырос до неба и небом пьян.
Было нам так горячо чересчур
От запредельности наших чувств —
В узел связалось «могу» и «хочу».
Ветер срывает защиту окон,
Белый, крылатый, душевный дракон!
Падаю в космос, в сон, в океан,
Помнить тебя, мой летящий Шаман!

Я выдыхаю тебя из себя,
Чтобы мне жить не мешал
В клетке грудной воздушный шар —
Моя душа!

Какие странности вы говорите, сударь!
Как могут быть всего дороже поцелуи,
Когда они слетают, словно листья,
Когда желаний ветер их срывает...

И ветви яблони отдали б с наслаждением
Свои плоды от солнца наливные,
Которые их до земли сгибают...
Вот и душа так исторгает слёзы,

Так поцелуи — ничего не стоят,
Они бесценно сами отдаются
Тем редким, по которым плачет сердце.
...Случайно не целуюсь!

Я хотела б уснуть с тобою на маяке,
в чарах волн, в закипающем молоке,
в шумной страсти, в пышном сиянье брызг,
чтобы жутко было выглядывать вниз...

Это было бы между: сон и явь,
это было б на грани: жизнь и смерть,
потому что с тобою мне явь как сон,
потому что с тобою мне смерть как жизнь...

СВИДАНИЕ

«Свеча горела на столе...»

(Б. Пастернак)

Я помню окно огромное —
От пола до потолка!
На улице — дождь и громно,
Как будто бы царь небесный у трона
Решил сплясать гопака!

И так веселились ливни,
Заглядывали в стекло,
И шторы белой отмах дымный,
И глаз твоих влажных отблеск дивный —
Всё связывало и влекло!

Пришли мы сюда, заброды,
По камешковому по дну,
По-птичьи бездомно и беззаботно,
Как ветры, выброшенные на свободу,
И друг у друга в плену.

Но нынче сердце моё молчит,
Все ливни — лужи во льду, снега.
...Так мало света одной свечи,
Не наши двери, не те ключи —
От комнаты без очага!

Я очарована!..
Вот так бывает,
Когда осенний лес сияет,
Как нарисованный –
Живой!
Я очарована – тобой,
Коричневатою корой,
Во все слои впустившей солнце,
Перебродившей красотой!
Горячей осени настой,
Янтарный, вызревший и чистый,
И сквозь морщинистые листья –
Твой взгляд осенне-голубой!

Этот ветер вечерний весь пропитан тобой,
Тянет сыростью, холодочком от мутной большой реки.
Разглашаются вести вздыбленную листвою,
Только мне и понятны лиственные языки.

Этот сумрак осенний весь пропитан тобой,
И тоскою, зовущей к молочной пустой реке.
Тянет кислым и прелым, тёмною стороной
Моего бытия, не востребованного никем.

Тара-Сарасвати

ВОКЗАЛ

Мимо иду, прячу глаза.
Ехать к тебе далеко — и нельзя!
Только мечта моя плещет, как рыба,
И закрывает собою небо!

Чтобы у нас с тобою срослось,
Стану я девушкою-лосось,
Облаком, розовым, как горбуша,
В путь по реке выпускаю душу.

Не умещается в планы, в круги, в квадраты
Жизнь — хаос твоих желаний,
Хотений, фантазий, знаний.
Не умещается — космос в квартире,
В мире квадратных метров,
Ветров собратство — не умещается —
Море — в аквариуме,
Пламя — в твоём уме.
Есть лишь один приют для огня:

На! —
Заполни меня!

Птицу в руках держала –
Спелую, белую!
Знала,
Ей в небе дом, и надо бы отпустить.
Милость — не видеть со стороны,
Что же я делаю.
Густо растут на берегу кусты.

Чувство моё! – Улетай,

Но оставь хоть следышек,
Чтобы дышать,
Чтобы было с чем дальше жить.
Счастлив парящий,
Ползучих смертей не ведающий.
В юных высотах ему навсегда кружить!

ДОДОЛА

Развертелась раскатом грома,
Разрывала молнии юбок,
Задевала поля подолом
И дудела в пастушьи трубы.

Силой молодости ведома,
Убежала с родного дома.
Стала свежей травой по долам –
Лихо пляшущая Додола!

Когда б вы знали, юноша, как больно
Вхожденье в осень, как в театр смерти,
Как страшно видеть чёрные уголья,
Которые разносит время-ветер.

Шелка и бархат листьев растрепало,
Как плоть мою, но сердце, словно солнце —
Ещё сияет щедро и устало
И всюду бродит, и упрямо бьётся!

Словно пропасть, открылась осень.
Небо — зверя чёрная пасть.
Летний день поманил и бросил
В грудь листьев, в сырую грязь.

Как темно мне, как незнакомо,
Непривычно смотреть во тьму!
Всё во мне — паралич и кома,
Не заметная никому.

Обернулась!.. Туда нельзя мне.
Всё прошло, разорвалось в клочья.
Если чувствую, грежу, зябну,
Значит, буду жива и ночью!

МАВКА

Беги за мной! Я крылья рукавов
Цепляю за кусты,
Изрезав лентами материи куски,
Оставим на ветвях – любовь.

Когда же выпадет холодный снег,
И всё замерзнет,
Пусть на ветру унылом и морозном
Алеет мой сердечный оберег.

Все острова моей души
Уплыли кто куда.
И надо как-то дальше жить –
Вокруг одна вода.
Кругом – сплошное небо и –
Размытые пути.
Цепляюсь к небу стеблями,
Мне только вверх идти.

Блаженство мучает до слёз,
Когда ему не дали имя.
Поймаю и остановлю,
Верну, окликну – назову!

Блаженство – хаос, море, плёс,
Провал, бездонность, бесконечность.
И чтобы жизнь свою сберечь –
Блаженство превращаю в речь.

ЛОТОС

Это лотос расцвёл, это Брахма сидел,
И игралась в воде Сарасвати.
Это лотос расцвёл, это воздух кипел
Бело-кипельным божьим платьем.

Приземлённая, я стою не у дел,
Понимая, что мне не хватает
Горстки будущего, перламутровых стрел,
Чтоб тебе подарить — истратить...

Это лотос расцвёл, безнадёжен и бел,
Неожиданный и некстати.
Это лотос расцвёл, когда захотел,
Раздвигая подол Сарасвати.

Когда опускается липкая тьма,
И бесы свистят во мраке,
Останься в себе, не сойди с ума,
Не стань ни козлом, ни собакой!

А если к тебе присмотрелся зверь
(На воле они отныне!),
Смотри ему прямо в глаза и верь:
Он душу твою не отнимет!

Взмахнёт он торжественно молотком!..
Но — даже голодным и босым —
Храни свою душу, как отчий дом,
Не бойся, герой, не бойся!

Духом-скалой, победным орлом —
Стой напролом!

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Нам не понять этот шум, запоздалый, неистовый,
Словно кончается что-то и надо успеть задержать.
Плачет луна сухими слезами-листьями,
Листья не падают, листья кружат и кружат.
Вечность врезается в сердце, прямая, как истина.

Тело умрёт, порвётся, как оболочка.
Облачком белым я в синюю ночь поплыву.
Только любовь в воздухе держит прочно.
Но почему не любовник, а ветер полночный
Вызвал меня сегодня на rendez-vous.

Я люблю этот шум последнего зимнего ветра,
Он из глубы небес вырывает младенца-весну.
Пусть она пролетит в темноте заплутавшей кометой
И успеет в глаза возвышающим светом блеснуть.

Я глотну этот всполох и вновь зашагаю в осень
По обугленным листьям и непроходимым снегам,
Разгребая дорогу нездешней мечтою, как тростью,
Этот свет сохраню и обратно небу отдам.

Камин лучше всех разжигают влюблённые или безумцы.
Я — то и другое, и печь моя шумно горит.
Но люди боятся огня — как огня —
и шарахаются и смеются
В лицо, освещённое блеском дымящей зари.

Прославим же пламя, облизывающее жертву.
Как сух и горяч его светлый облезлый язык!
Дракон, ослеплённый, змеящийся рыжею шерстью,
Как грозен и пылок его торжествующий лик!

ВАЖНЫЕ

Входите вы в большие парадные двери.
 Мельница — жизнь. Я — с мечом-гладиолусом.
 Слово — крыло. Основа — высокая вера.
 Чем вы достойней меня, моего честного голоса?

Вы — властолюбы! С небом у вас нелады.
 Я — маломерка, и то пробираюсь к свету.
 Чахнут от золота ваши гнилые сады.
 Огненным комом в горле застыли монеты!

Семя в земле прорастает в цветущий колос.
 Жертвуйте жиром! Стяните потуже пояс!

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Мой дух выпускает вздох,
 Травы плацентарный мох.
 Додолы задорный гром
 Встряхнул мой огромный дом.
 Светла с головы до пят,
 Я там, где младенцы спят,
 Поскольку опять бомбят
 Мой мир, что блажен и свят.
 Над миром летят стрижи,
 Сгорает офшорный жир.
 Я верю, он есть, он скоро родится,
 Тот, кто сможет договориться!

ТВОРЧЕСТВО

Слова – подземные уродцы,
Кишащие на дне колодца.
Там, под землёю, слов так много,
И каждое родиться хочет,
Снуют в неясности, гогочут,
Рвут друг у друга руку-ногу.
Вот, кажется, вскипит колодец,
И через край польётся пена...
Но чинно, стройно, постепенно
Вышагивает слов народец.

Теперь меня обидеть нелегко,
С годами помудрела я недаром.
Душа-гимнастка в красочном трико
Прыжками отвечает на удары.

Я прыгаю в неведомое мне,
Я отыскала в небе заземленья.
Что кажется обидным на земле,
То для меня — полет и вдохновенье!

Не открывайте эти двери,
Там ад, там пропасть, там кино
Про зазеркалье, и проверить
Отважным даже не дано.
Отважишься — прощайся с жизнью
Иль прыгай в пляске бесовской.
Не подходи! Легка пружина
Под любознательной рукой.

Во что бы жизнь тебя ни впутала,
Чти преданно один закон:
Преодолей сиюминутное
И будь, как птица, высоко!

Грязь брызжет, копошится месиво,
Тебя пытаюсь замешать.
Взгляни возвышенно и весело,
Упругая моя душа!

Лебедь

*Памяти
Сергея Коченова*

ЛЮБЛЮ!..

Бьюсь головой о солнце,
Витаю и путаюсь в облаках —
Сердце в руках бьётся —
Крах!.. —

Крошится мир... Разбежалась,
Вдарилась в свои пределы,
Взрываюсь, лечу пожаром —
Пеплом белым.

Открылась и растекаюсь
Молочной своей рекою.
Железных дорог руками
Протягиваюсь за тобою —

Люблю!..

Во влажно-небесном пространстве твоих глаз,
Двух дальних вселенных, двух солнц,
расточающих свет,
Я вижу дорогу и пристань свою, и плёс,
И зов бессловесный, и жизни своей ветвь!

Счастье завернуто в пелёнки слов.
Распеленаем, скажем слова.
Какое страшное слово «Любовь» —
Стрелы, лук, тетива.

В сердце застряла и нежно жжёт,
Гонит туда, где дороги нет.
Жизнь обнуляется, словно счёт.
Новый рождается белый свет.

Аэропорт для меня, как церковь.
Расписание рейсов учу, как молитву,
Цветные купюры без счёта жертвую,
С дырою в пространстве веду битву.

Если б могла я распасться на части
И пробежать в проводах Интернета,
В пункте приёма мой телеМастер
Тело моё воссоздал бы из света —

Из электричества, из фарадов,
Герцев, кулонов, зарядов и вольтов.
Тело лучило бы радугу-радость,
Тело, собранное любовью!

...И верить, что любовь первична
В осваиванье жизни личной,
В том, кто купил бельё, посуду,
В Христа он верил или в Будду.

И кто развешивал убранства,
Чтоб для любви создать пространство.
Кто окна застеклил от ветра,
И сколько там квадратных метров.

...А если больше недоступно
Довериться светло и крупно?

Солнце моё, моя нега, моя благодать!
Если возможно жизнь за тебя отдать,
Я б в исступленье осоловелых глаз,
В сладостной муке смерти своей предалась.

Жизнь – это тина тянущихся тупо дней.
Мне ли цепляться или жалеть о ней?
Острой звездой ты пролетел насквозь.
Вырвалось сердце, в солнце разорвалось.

Пернатая Муза, сестра-повитуха,
Из тела выкручивает ребёнка-духа.
Перья не дрогнут пороть и колоть
Белую сладкую плоть.

Вместо глазастых сыночков и дочек
Тело струится на ниточки строчек.

Весь день сегодня я неслышно плачу:
Мне светлых-светлых глаз недостаёт.
Твой путь в другую сторону, он мрачен.
Мой грустный мальчик, любование моё!..

А тот, кому я была желанной,
Вылетел птицей в заземные страны.
На корабле, в червонном коробе —
Сгинул, шокировал, бросил в скорби.

Голову спрятал в большой песок
Траурный страус!
Празднует сладкую пищу лесок.
Высится крест, как парус.

А весной на берёзке
Повиснут серёжки,
И Серёжкины глазки
Проглядят сквозь листву.
И никто не посмеет
Подумать о смерти,
Погружаясь глазами
В его синеву.

Узы

КАПИТАНСКАЯ ЖЕНА

Ей сказали, что её мужа
Перевели служить в другой полк.
Там повсюду белые стены,
Облаков светлые лужи
И отсутствует пол.
— А что он там ест? И могу ли
Я ему принести еды?
— Нет, — ответили ей —
Ни в Ростове, ни в Барнауле,
Такую не продают
пищу,
ту, которую не жуют,
что гораздо полезней и чище.
А впрочем, можете принести вашу снедь,
Чтобы вам не носиться с ней.
Вот —
Оставьте тут, у ворот —
Храма.

— Подождите!
Но как же так?
Я же мама
Его сына,
Ему два года,
Нашему малышу.
Можно, я хотя бы помашу
Мужу своему платочком?
Я ему не сказала, что беременна
Нашей дочкой!

И стояла она, красивая,
Одинокая, тяжкая.
И думала:
Что же делать с его рубашкой,
ещё пахнувшей его потом,
с его кителем отсыревшим.
Ей вернули товарищи по работе
его личные вещи.

КАРТАНЕЙ (БАБУШКА)

Домик холодный, сохнут растения,
Ветер во все щели.
Стол деревянный, брусчатые стены –
Всё в этом доме священо.

Дом этот очень похож на бабуся,
Старенькую картаней.
Я не могу без смущенья и грусти
Даже подумать о ней.

Вечно в работе, вечно в движенье
Сердце, как старая печка.
Длинная жизнь с народным сюжетом –
Плодоносящая вечность.

Хлеб ароматный на доли разрежем,
Вспомним фамилию, имя и отчество.
Знаю, простишь ты и внучку заезжую
За непростительное одиночество.

Хочешь – надену татарское платье,
Выброшу курево, джинсы, рубаху...
Бабушка, милая, что же ты плачешь? –
Лучше молись за меня Аллаху!

Вот сижу, в окно гляжу –
С дерева слетела птица.
И не знаю, как мне быть:
То ли с мужем разводиться?
То ли юбочку купить?..

В этот день я пекла булочки,
Дождаясь тебя с работы.
Ты назвал меня толстою дурочкой
И сказал, что у тебя есть кто-то.

Я с ребёнком пошла на прогулку,
А ты пошёл куда-то.
Я засунула в сумку две булки
Тебе, как брату.

Мы живём в одной квартире,
В хрупком мире –
Не в ладу,
На едва застывшем льду.

Я запрещу тебя себе,
Как сигареты и коньяк.
Я чувства соберу в кулак,
Раздую их, как одуванчик.
Прощай, мой ненаглядный мальчик,
Жестокий, маленький дурак!

В кухне моей пироги пекутся,
Жаркие слёзы в чашки текутся.
Тихо живу и не бью посуду.
Больше мечтать и плакать не буду.
Дует хвостатая дура-весна,
Как мне давно надоела она!
Окна помою, плотно закрою,
И ничего не случится со мною.

Это был любовный трепет,
А теперь – зола и пепел.
Пепел и зола.
Никакого зла.

Мужчина в космос улетел.
Как много у мужчины дел!
А женщина осталась ждать
И сопли детям вытирать.

Семья – иллюзия какая!
Болото топкое и глушь.
Он врёт, глаза не закрывая, —
Какая прелесть этот муж!

Я – та, которая бросает
Дрова в огонь, я – плюш и плющ,
Куда ногой он наступает.
Какая прелесть этот муж.

Какая прелесть! – Гнёт и гложет! –
А ложь лягается, как лошадь.

СВЕТ

Рванный альбом, как время, назад листаю.
Слабо сияет прошлого тусклый след.
Что утонуло, а что на плаву осталось,
Откуда тьма и откуда явился свет?

Стыдно писать: обычное самое детство.
Наголо брили меня, обзывали лысой башкой.
Печку топили зимой, чтобы сварить и согреться,
И за водой далеко ходили пешком.

А за дорогой, где я не была ни разу,
Чудился замок, в котором принцесса жила.
(Там оказалась типичная маслосырбаза.
Я заходила туда по каким-то делам.)

Кажется, в детстве было сплошное лето.
Кошки облезлые бегают во дворе.
Помню, как папка котят утопил в туалете,
Я их достала и мыла в помойном ведре.

А в это ведро я выливала водку –
Детский протест во имя родного отца...
Всё понапрасну... Вот я, чёрная, сбоку,
А это — мама-вдова, от слёз не видно лица.

Свет изнутри, природа его неизвестна.
Свет впереди – из тьмы и проблесков детства.

Младшего брата провожая в армию,
Испытывать силу корней.
Это, конечно, куда больней
Пресловутого зубовываривания.

Вот он шагает, смущённый
И трогательный по-братски.
А я насовала ему сгущёнки
В рюкзак солдатский.

Со стрижкой ещё оттопыренной уши.
Смешались любовь и гордость, и жалость.
Вчера носила его на горбушке –
Сегодня иду, от тревоги сжалась.

Пенициллином и манной кашкой,
Скомканным носовым платочком —
Ребёночек пахнет ночной рубашкой,
Мокрой яблонькой в белых цветочках.

В больнице не было одеяла,
В мае уже не топили трубы,
И я ребёночка согревала
Махровым халатом и тёплой грудью.

За окнами бился и злился ливень,
Стёкла зубами стучали громко,
И не было никого счастливей
Меня и моего ребёнка.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
ЛУННЫЙ СТОЛП	
«Ты думаешь, яблоня белым жива?».....	4
«Когда ты идёшь...»	6
Димитрова, бб.....	7
Осень	8
«На юбке моей широкой...»	9
«Моё платье в горох, я гороховый шут...»	10
«Мы сидели за столиком и говорили о Фрейде...».....	11
Эпистола	12
«Если б знать, где ты ходишь большими ногами...» ...	14
Маскарад.....	15
Лишняя	16
«Ах, эти умные, талантливые святоши!»	17
«И был в моём театре Чёрный Клоун...».....	18
Место моей смерти	20
«Бестелесная и отважная...»	22
«Ледяной океан, в нём застыли хрустальные рыбки...»	23
«Луна наполнилась, повисла на дороге...».....	24
БАБОЧКА	
«Я светлая девочка на пунтах...».....	25
«...А я люблю по-другому...»	26
«Ты спишь, моя радость...»	27
«А цыганка идёт босая...»	28

«Эй, время...»	29
Сонет-альба.....	30
«Словно бабочек стая летает...»	31
«Нам не жить под одной крышей...».....	32
Лето.....	33
«В перерывах меж главным и главным...»	39
Первая любовь.....	40
Бабочка.....	42
«Зажми моё дыхание в кулак...»	43
Да!.....	44
ШАМАН	
«Раздвинув руками стороны света...»	45
Боюсь, но летаю.....	46
«Сердце скрутилось в тонкие провода...»	47
«Ты сияешь во мне скрытым перлом...»	48
«Я держу в зубах это слово, завязываю на узел язык...»	49
«Я плачу пламенем, плыву по облакам...»	50
Песня	51
Шаман.....	52
«Я выдыхаю тебя из себя...»	53
«Какие странности вы говорите, сударь!».....	54
«Я хотела б уснуть с тобою на маяке...»	55
Свидание	56
«Я очарована!..»	58
«Этот ветер вечерний весь пропитан тобой...»	59

Вокзал.....	60
ТАРА-САРАСВАТИ	
«Не умещается в планы, в круги, в квадраты...»	61
«Птицу в руках держала...»	62
Додола.....	63
«Когда б вы знали, юноша, как больно...».....	64
«Словно пропасть, открылась осень...»	65
Мавка.....	66
«Все острова моей души...»	67
«Блаженство мучает до слёз...».....	68
Лотос.....	69
«Когда опускается липкая тьма...».....	70
Осенний ветер	71
«Я люблю этот шум последнего зимнего ветра...»	72
«Камин лучше всех разжигают влюблённые или безумцы...».....	73
Важные	74
Весенний гром	75
Творчество.....	76
«Теперь меня обидеть нелегко...».....	77
«Не открывайте эти двери...»	78
«Во что бы жизнь тебя ни впутала...».....	79
ЛЕБЕДЬ	
Люблю!.....	80
«Во влажно-небесном пространстве твоих глаз...»	81
«Счастье завернуто в пелёнки слов...».....	82

«Аэропорт для меня, как церковь...»	83
«...И верить, что любовь первична...»	84
«Солнце моё, моя нега, моя благодать!»	85
«Глотаю тебя, как воду, как воздух, как возглас!».....	86
Лебедь.....	87
«Пернатая Муза, сестра-повитуха...»	88
«Весь день сегодня я неслышно плачу...»	89
«А тот, кому я была желанной...»	90
«А весной на берёзке...»	91
УЗЫ	
Капитанская жена	92
Картаней (бабушка)	94
«Вот сажу, в окно гляжу...».....	96
«В этот день я пекла булочки...».....	97
«Мы живём в одной квартире...»	98
«Я запрещаю тебя себе...»	99
«В кухне моей пироги пекутся...»	100
«Это был любовный трепет...».....	101
«Мужчина в космос улетел...»	102
«Семья – иллюзия какая!»	103
Свет	104
«Младшего брата провожая в армию...».....	106
«Пенициллином и манной кашкой...»	107

Фарида Анваровна Габдраупова

Окно на восток

Стихи

Дизайнер: К. М. Паршина
Редактор: Т. П. Берглизова
Корректор: Е. Л. Ясинская
Вёрстка: Е. А. Вотинцева

Подписано в печать 00.11.2018 г.
Формат 70x100/32. Гарнитура Calibri.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Тираж 500. Заказ № 1642.

Отпечатано в ООО «ТЕХНОПРИНТ»,
650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35а,
тел. 8(3842) 35-19-21

Габдраупова Фариданваровна родилась в Барнауле. Окончила филологический факультет Алтайского государственного университета. Работает педагогом дополнительного образования в гимназии № 85 в Барнауле.

Член Союза российских писателей с 2004 г. Председатель представительства Союза российских писателей в Алтайском крае с 2014 г.

Фарида Габдраупова является автором поэтических книг «Сердце» (1993), «Слезы Колумбины, или Орфография любви» (2001), «Актриса с дудочкой в дожде» (2007), «Астра-Тара» (2015) и книги прозы «Лишняя жизнь женщины» (2018).

Публиковалась в газетах и журналах: «Алтай», «После 12», «Огни Кузбасса».

